

Дмитрий Ткаченко

150 часов до встречи

ЛитРес:
Москва

ISBN 978-5-532-92387-4

УДК 82-1-93
ББК 83.8
Т48

Ткаченко Д.

150 часов до встречи / Ткаченко Д. — Москва: ЛитРес,
2022. — 322 с.

ISBN 978-5-532-92387-4

Меня душил родной город, в котором всё казалось чужим. Или, может, это я был изгоем? Мне хотелось найти свое место, но где же оно? За все семнадцать лет я чувствовал свою значимость только в переписке с девушкой, которая жила на другом краю страны. Расстояние убило наше общение, но я продолжал мечтать о том, что мы с ней увидимся. И, кажется, время пришло. Бросив всё, я отправился автостопом навстречу судьбе. И чем дальше я уезжал от дома, тем ближе становился к себе.

© Ткаченко Д., текст, 2020
© ООО «ЛитРес», оформление, 2022

Содержание

Богородицк: 28 мая, вечер	5
Богородицк: 29 мая, утро	14
Богородицк: 29 мая, вечер	21
Богородицк – Киреевск – Тула: 30 мая, утро	28
Богородицк: 31 мая, вечер	37
Богородицк: 1 июня, утро	44
Богородицк – Епифань: 1 июня, день	49
Кимовск – Рязань: 1 июня, вечер	54
Рязань: 1 июня, вечер	63
Рязань: 2 июня, утро	71
Михайлов: 2 июня, вечер	79
Рязань: 2 июня, ночь	85
Рязань – Муром: 3 июня, утро	92
Муром: 4 июня, утро	111
Муром: 4 июня, вечер	126
Нижний Новгород: 5 июня, утро	135
Бор – Йошкар-Ола: 5 июня, вечер	155
Йошкар-Ола: 6 июня, утро	161
Казань: 6 июня, день	166
Набережные Челны: 6 июня, вечер	175
Набережные Челны: 7 июня, утро	181
Тимьянск: 7 июня, вечер	189
Тимьянск: 8 июня, утро	206
Тимьянск: 8 июня, день	215
Тимьянск: 8 июня, вечер	219
Тимьянск – Нефтекамск: 9 июня, утро	231

Тимьянск – Уфа: 9 июня, день	246
Уфа: 9 июня, вечер	257
Уфа – Тимьянск: 10 июня, ночь	272
Екатеринбург: 10 июня, день	283
Тюмень: 10 июня, вечер	287
Тюмень: 11 июня, утро	294
Омск: 11 июня, вечер	300
Новосибирск: 12 июня, утро	302
Новосибирск: 12 июня, вечер	307
25 часов спустя	319

Богородицк: 28 мая, вечер

Говорят, дом человека находится там, куда ему всегда хочется вернуться.

Я ненавижу возвращаться. Значит, у меня нет дома.

Конечно, у меня есть квартира, где я живу с родителями, но... мне всегда казалось, что моё место – не здесь. Сколько себя помню, постоянно хотелось сбежать – куда угодно, лишь бы не оставаться на месте. Поэтому каждый вечер я ухожу на улицу под каким-нибудь предлогом.

Сейчас мама послала меня за батоном. Хлебная палатка находится в трёх минутах ходьбы от дома, а я ушёл ещё два часа назад и до сих пор не вернулся.

Поворачивать не собираюсь. Хоть возвращаться я и ненавижу – всё равно приходится, только я не хожу обратно тем же путём. Лучше сделаю гигантский крюк, обойду весь город кругом, но ни за что не обернусь назад.

Я не знаю, где сейчас нахожусь. Грозовые тучи заволокли небо, нагнетая атмосферу. Вокруг темно, хотя ещё не так поздно – около восьми вечера, наверное. Точно сказать не могу – телефон случайно забыл дома. Впрочем, это даже к лучшему, иначе бы набралась уже сотня звонков от взволнованной мамы.

Раньше я не был в этой части города – отчуждённой, больше походящей на деревню: за покосившимися заборами с недостающими кольями стоят двухэтажные дома с отвалившейся штукатуркой и ползущими по фундаментам трещинами. Возле каждого дома стоят фонари, но ни один не светит. Туда-сюда носятся неутомные курицы, в мусорных баках роются полудохлые собаки, выгребая наружу пакеты, которые тут же растаскивают вороны. Из канализации несёт жутким смрадом. Натянув кофту на нос, ускоряю шаг, но вонь просачивается даже сквозь ткань.

Гремит гром. Курицы кудахчут и неумело взлетают, обозначив помётом свои прежние места. Собаки затагивают песню далёких предков.

Я не обращаю внимания на шум, погружённый в собственные мысли. О людях, с которыми я никогда не общался. О разговорах, которые никогда не состоятся. О местах, в которых я никогда не бывал. О мечтах, которые никогда не сбудутся.

Меня отвлекает вспышка молнии и следующий за ней гром. Кажется, пора прекращать шатание и идти домой, только в какую сторону? Ладно, пойду вперёд, пока куда-нибудь не выйду.

Наконец я оказываюсь в знакомом районе, хотя в последний раз гулял здесь совсем давно. Да и вообще, тогда было светло, а в темноте всё кажется иначе. День и ночь – как зеркальные миры. Ты можешь побывать в одном месте днём, и какие бы воспоминания тебя с ним ни связывали, ночью оно будет совсем другим.

Я вздрагиваю от испуга, когда вижу странную фигуру, но очередная молния освещает чучело из шин, а затем я чуть не ухожу ногой в открытый люк – меня спасает журчание канализации. Всех с детства предупреждают, что ходить в темноте – опасно, ссылаясь на маньяков, убийц и пьяных водителей. А ведь есть угрозы и пореальнее, например, открытый люк: провалишься, и искать тебя будут целую неделю.

Капля дождя падает мне на руку. Ещё две – на нос. Гремит гром, и небо прорывает – начинается сильный дождь.

Бегу по тропинке, которая вскоре размывается и превращается в грязь. Скольжу по мокрой траве, едва удерживая равновесие, чтобы не упасть. Кроссовки смачно хлюпают при каждом шаге, а я продолжаю бежать прямо по лужам, обрызгивая джинсы, лишь бы поскорее где-нибудь спрятаться. Обгоняю людей, идущих под зонтами, проношусь мимо многоэтажек – козырьки над дверьми не спасут от косого ливня.

Но тут я замечаю открытый подъезд.

Я с разбега залетаю внутрь и пытаюсь отдышаться. Вдох-выдох, вдох-выдох, а сердце продолжает побег. Провожу рукой по волосам, выжимая из них влагу. На одежде ни одного сухого места, зато хлеб – в полиэтиленовом пакете, прижатый к пазухе – остался сухим. Правда, уже совсем остыл.

В подъезде холодно – ветер гуляет по всем этажам, воюет со старыми деревянными окнами, заставляя их истошно дребезжать. Ливень, преодолевая предбанник, достаёт почти до первых порожков. Вся лестница – в мокрых следах.

Некоторое время я топчусь на первом этаже, размазывая грязь по площадке, но, быстро заскучав, поднимаюсь вверх.

Я дохожу до самого последнего, пятого, этажа. В этом нет ничего удивительного – в нашем городе выше пятиэтажек домов нет. Но что странно: после пятого лестница ведёт выше, к железной калитке. На ней нацеплен замок, но только для видимости: я легко снимаю его одним движением. Калитка открывается с громким скрежетом, эхом разнёсшимся по всему зданию. Я замираю, с испугом ожидая, пока кто-нибудь выйдет из квартиры и спалит меня за проникновением. Но никого нет.

Быстро раскрываю дверь, прошмыгиваю за неё и прикрываю обратно. Сердце снова в погоне, но уже не от кого-то, а за чем-то – в предвкушении чего-то крутого, интересного.

Здесь нет ни лампочки, ни окна (наверное, поэтому снаружи и не скажешь, что тут есть ещё и «шестой» этаж). Плитка запылена известью, на которой отчётливо виднеются отпечатки моей обуви. Конспирация ни к чёрту. У стены валяются полупустые строительные мешки, доски, вёдра и куча бытового мусора: банки из-под энергетиков, упаковки от чипсов и сухариков, смятые пачки сигарет.

Обхожу шлак стороной и поднимаюсь дальше. Прямо по курсу – тяжёлая дверь, закрытая на замок. Тут уже без обманок. А слева – маленькая, в пять порожков, железная лестница, ведущая к деревянному люку. Он захлопнут, но не заперт, а за ним барабанная дробь из капель, которую изо всех сил старается догнать моё сердце.

Я раскрываю люк, и в лицо бьёт свежий воздух. Он с сильным толчком врывается в мою грудь, наполняя лёгкие, и чувствую в этом плотке всё: и дождь, и грозу, и всю весну в целом.

Дождь сюда не долетает, поэтому я решаю переждать его тут, и через пару минут он кончается – резко, как и начался. Ещё не будучи уверенным в своих действиях до конца, я осторожно взбира-

юсь через тесный люк, с трудом протягивая руки и ноги, стараясь не выронить батон. И только выбравшись, я выпрямляюсь во весь рост.

Я на крыше.

Солнце уже село, за весь день ни разу так и не показавшись. Улицей завладел вечер, высыпая на тёмное небо белые созвездия-конопушки. Тяжёлые тучи либо полностью себя изрыдали, либо уплыли вместе с ветром. О прошедшем дожде напоминают только лужицы, растёкшиеся по рубероиду, и насыщенный свежестью воздух.

Если мои броджения по городу были паломничеством, то эта крыша станет мне Святой Землёй.

Иду вперёд, стараясь не цепляться за провода, но взгляд то и дело убегает из-под ног и наслаждается красотой городского пейзажа. На улицах зажглись фонари, в соседних домах загорелись окна, и их свет отражается на мокром асфальте.

Цепляюсь за антенну и чуть не падаю, но сохраняю равновесие, едва не выронив батон. Нужно всё-таки быть внимательным.

Впереди нечто вроде перегородки, обитой железными листами. Я взбираюсь на неё, и она, продавливаясь под моим весом, издаёт жуткий грохот, проносящийся по всему району. Лишь бы никто не поднял на меня голову...

Наконец я дохожу до края крыши и с успокоением на душе смотрю на раскрывающийся вид. Вроде бы нет в улицах нашего города ничего красивого, кроме разбитых дорог и разваливающихся домов. Но после дождя мир кажется совсем другим. Это как после душа: чувствуешь себя свежим, отдохнувшим и непорочным, будто заново родившимся. Так и улица, омываясь, избавляет себя от вездесущих людей.

И тишина. Это не безмолвная тишина, она особенная, как и воздух после этого дождя. Я слышу, как с крыши одна за другой стекают капли, а успокоившийся ветер шуршит листьями деревьев, как где-то вдалеке мчится поезд. И всё-таки это тишина, которая заполняет весь разум.

Я потрясён до глубины души. А подумать только, некоторые люди лишь этим и живут: пока я изо дня в день петляю по безлюдным улочкам, в которых всё прекрасное уже давно сгнило, и всё время

смотрю себе под ноги, чтобы не вмазаться в очередную жижу грязи, эти люди с наслаждением созерцают весь город.

С высоты как-то по-другому оцениваешь свою жизнь и свои проблемы. Здесь кажется, что они тебя не достанут.

Но именно на этой почве у меня возникают загоны. Опять начинаю накручивать себя из-за того, сколько всего я упустил в жизни из-за чёртовой замкнутости и стеснительности. Сколько раз я просто боялся с кем-то познакомиться, заговорить или позвать гулять? Сколько раз я боялся просто согласиться, когда меня кто-то звал?

Я хочу сесть на край крыши. Безумно хочу! Но мной опять овладевает нерешительность. Во-первых, это опасно. Во-вторых, после дождя парапет очень мокрый, я легко могу с него соскользнуть.

Вот. Опять.

Только сейчас думал о том, что сам же виноват во всём из-за своих отказов, а теперь снова придумываю никчёмные оправдания. Оправдания для самого себя. «Я не струсил. Просто сейчас не лучшее время». А лучшее время может никогда не наступить.

Преодолеваю себя, преодолеваю весь страх, сковавший меня изнутри, я сажусь на крышу. Одна нога. Вторая. И всё. Всё! Мои ноги повисают над высотой в шесть этажей, страх отступает, и меня наполняет эйфория. В жизни не испытывал чего-то подобного!

Я сижу в полной прострации минут пять, но вдруг кто-то вторгается в моё личное пространство. От неожиданности я так шарахаюсь, что чуть не сваливаюсь вниз. Видимо, я слишком глубоко зарылся в себе, раз не услышал шаги человека.

Это девушка. Даже не девушка, а девочка, года на три меня младше, одетая в мужскую серую кофту, мешком сидящую на ней из-за большого размера. Она без тени страха садится неподалёку от меня и с невозмутимым видом смотрит на свои болтающиеся ноги, будто не замечая меня. Что она вообще тут делает?

Может, стоит с ней познакомиться и спросить? Вечно я стесняюсь.... Но, блин, мне уже семнадцать лет! Так, может, пора что-то менять?

Ещё минут пять мы сидим в беззвучной тишине, прежде чем я окончательно решаюсь на первый шаг:

– Привет...

Мой голос звучит сипло, еле слышно. Она даже не реагирует. Нужно попытаться ещё раз, но сделать вторую попытку оказывается не легче. Некоторое время я опять собираюсь с силами.

– Привет, – повторяю более громко и настойчиво.

Она поворачивается ко мне лицом, глядит на меня всего секунду и вновь отворачивается. Я совершенно теряюсь. Может, спросить у неё что-нибудь ещё?

– Ты из этого дома?

Помедлив, она качает головой. «Нет».

– Ты здесь в первый раз?

Снова качает. Видимо, не хочет разговаривать.

Мне становится очень неуютно в её компании, но уходить мне всё равно не хочется. Ещё пару минут мы сидим молча, но волшебный эффект после дождя уже испарился, и теперь тишина угнетает.

– Это моя традиция, – внезапно говорит она. – Я прихожу сюда каждый день в девять часов вечера

– Ого, – я больше удивляюсь не тому, что она сказала, а что она вообще заговорила. Но на этом наш диалог и прекращается. Я совершенно без понятия, как раскрыть эту тему.

– Меня зовут Паша, – наконец решаюсь я на знакомство.

– Меня зовут Аня, – холодно отвечает она, отчего мне становится ещё неуютнее. Может, она и вправду не хочет со мной разговаривать? Тогда зачем заговорила?

Я достаю из-за пазухи батон, ломаю горбушку и протягиваю ей:

– Хочешь?

Она медленно поворачивает голову, осторожно, будто трусливый зверёк, берёт кусок батона и аккуратно кладёт его в рот. Сам хочу откусить прямо так, но решил всё-таки тоже надломить. И только сейчас понял, как сильно я проголодался.

– Так ты ходишь сюда каждый день... – задумчиво повторяю я, стараясь разогнать угнетение. – И почему тебе нравится сюда ходить?

– Я люблю одиночество.

– Хм, я тоже.